

На правах рукописи

Хадыева Раиса Нуримановна

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ
БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.02. - Языки народов
Российской Федерации (башкирский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Уфа - 2003

Работа выполнена в отделе языка
Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской Академии наук

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и РБ академик АН РБ З.Г.Ураксин

Официальные оппоненты - доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РБ
Э.Ф.Ишбердин

кандидат филологических наук Самситова Л.Х.

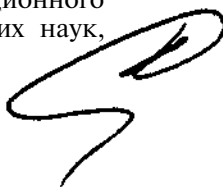
Ведущая организация - Стерлитамакский государственный педагогический институт

Защита диссертации состоится *13 мая* 2003 г. в *12 ч.* на заседании диссертационного совета Д-212.013.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Башкирском государственном университете (450074, г. Уфа, улица Фрунзе, 32)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан «*11 апреля*» 2003г.

Ученый секретарь диссертационного совета доктор филологических наук, профессор

А.А. Федоров

Общая характеристика работы

Актуальность темы. В исследованиях последних лет семантическое описание лексики не ограничивается только традиционным толкованием через родо-видовые отношения, привлечением набора необходимых дифференциальных семантических признаков, наблюдается стремление наиболее полно очертить сферу значений языковых единиц на основе экстралингвистических факторов¹. Это вызывает помимо анализа лексической семантики, необходимость описания созначений (этнокультурных, фоновых, энциклопедических, символических и т. д.), вытекающих из отношения языковых данных к определенной культуре. Семантическое описание этнокультурного компонента слов и словосочетаний помогает выявить внутренние связи между всеми уровнями значения, раскрыть логику того образа, который закреплен за словом и существует в сознании носителей культуры. А знание всех этих признаков слова создает наиболее полную картину природы языка, осознанное понимание его сущности.

Степень изученности проблемы. Изучение башкирского языка в этнолингвистическом аспекте не представляется возможным без учета данных этнографии, истории народа, диалектологии, фольклористики.

В процессе работы над диссертацией, наряду с языковыми фактами мы учитывали культурологические изыскания башкирских ученых, которые в определенной степени проливают свет на историю многих слов и выражений. Исследования в области башкирской народной культуры, языка, мировоззрения этноса характеризуются богатством информации для обобщений.

Накопление фактов в данном направлении берет начало еще со II половины XIX века и продолжается по сей день.

В последние годы такой подход в языкознании получает развитие под названиями «языковой картины мира», «национального своеобразия видения мира» и др., что расширяет понимание содержания не только слова, но и

¹ Степанов ЮС. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М: Школа «Языки русской культуры», 1997 - 824с, Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. -М., 1995 - 512с, Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999 - 180с, Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. -М., 2002 - 283с.

семантической структуры языка в целом, связывая эти понятия со особенностями мышления и своеобразием отражения мира. При этом рассматриваемый аспект языковых единиц становится особым компонентом смыслового содержания лексики.

Несмотря на наличие лингвистических, фольклорных, историко-этнографических исследований по истории языка, культуре, этногенезу, истории народа, этнолингвистический аспект языка еще не получил системного научного описания.

В тюркском языкознании продолжается более узкое понимание культурологического аспекта языка. Лексика отдельных языков описывается под терминами «этнолингвистическая», «этнографическая», подразумевается при этом только часть проблемы и анализ, как правило, заключается в сфере понятий и слов, отражающих национальные особенности быта, обычаев, нравов, одежды того или иного народа. Нам же представляется, что культурологический, этнолингвистический аспекты слова гораздо тире по содержанию и включают в свой круг так называемое этнокультурное содержание лексики. Он постоянно присутствует в сознании носителей языка и передается из поколения в поколение. Самые разнообразные понятия и представления народа об окружающей его действительности, мир духовных ценностей, традиции, народный стереотип, закрепленные за языковыми единицами, представляют научно-познавательный интерес не только с позиций фольклористики, этнографии, археологии, но и этнолингвистики.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые производится этнолингвистический анализ лексики башкирского языка в широком аспекте. Этнокультурное значение включается в само смысловое содержание языковых единиц, как сопутствующий элемент лексического значения. Впервые систематизированы языковые, экстралингвистические сведения, касающиеся этнокультурной семантики башкирского языка, произведена тематическая классификация лексики с учетом ее внеязыкового содержания. Выявлены целые пласты понятий, связанных с древними верованиями, образом мышления, восприятием мира, отношением к природе.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является этнолингвистический анализ лексики башкирского языка, определение языковых и

экстралингвистических факторов, образующих этнокультурную семантику слов и словосочетаний, в соответствии с которой в исследовании поставлены и решены следующие задачи:

1) систематизация лингвистического, этнографического, фольклорного материала и описание семантического содержания отдельных слов и выражений с точки зрения их отношения к культуре этноса;

2) воссоздание народной картины мира, заложенной в основу языка и служащей его информационным источником;

3) выяснение истоков формирования этнокультурной семантики;

4) этнокультурная характеристика лексики, их тематическая классификация по культурному содержанию.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что данная диссертация углубляет сложившиеся ранее представления об этнокультурном содержании лексики башкирского языка, об истоках и причинах их образования.

Основные положения диссертации могут быть использованы в дальнейшем углубленном исследовании этнокультурного содержания лексики башкирского языка. Собранные и систематизированные материалы диссертации будут использованы в составлении этнолингвистических словарей, а также привлекаться в качестве составной части спецкурсов по этнолингвистике и лингвокультурологии.

Объектом изучения является язык в его разнообразных культурных функциях, как выражение мировоззрения этноса, закрепленное в языке и содержащееся в семантике слова во всем ее объеме.

Методологической основой работы является постулат о глубинной связи языка и культуры, языка и мышления этноса в создании языковой картины мира. Семантика слова не ограничивается его логико-понятийным содержанием. Являясь полифункциональной единицей, слово реализует также национально-культурную функцию, отражающую элементы культуры, истории, быта конкретного народа.

Материалом исследования являются факты и явления народной культуры, народные знания (этнопедагогика, народная медицина, космогонические представления), традиции, фольклор, обряды, верования, содержащиеся в разных источниках и выраженные в единицах языка.

Апробация работы. Основные и частные положения диссертации были изложены на республиканских и международных научно-практических конференциях (1996, 1999, 2001гг. в г.Уфе и Стерлитамаке), в 7 опубликованных статьях и специальном словаре. Диссертация обсуждалась в отделе языка Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, где были одобрены основные выводы исследования.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Общий объем работы 163 стр.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, раскрывается научная новизна, практическая значимость исследования, определяются цель и задачи работы в соответствии со степенью изученности и научной разработанности данной проблемы, указывается структура диссертации.

Глава первая «Слово как знак и его внутреннее значение» состоит из трех разделов и заключения по главе. В первом разделе рассматривается история изучения значения слова в лингвистике, излагаются теоретические установки по вопросам, касающимся трактовки понятия слова и его значения, сопоставляются различные взгляды ученых на определение значения слова.

В связи с использованием знаков в человеческой деятельности возникают многообразные формы отношений. Это - отношение человека к знаку, знака к реальному предмету и его идеальному образу, знака к другим знакам системы и т.д. В соответствии с этим выделяются три основные группы значений - семантическое, синтаксическое и прагматическое. Основным ядром, которое определяет все другие виды значения, является лексическое (семантическое) значение слова. Оно представляет сложную полисемантическую структуру.

В диссертации применительно к проблеме исследования концепта «этнокультурное значение слова» рассматриваются такие исходные понятия, как «лексическое значение», «предметное значение», «логико-культурное содержание», сопоставляется употребление данных терминов в лингвистике и философии, психологии, анализируются взгляды ряда

исследователей, как Л.С.Выготский, Л.С.Рубинштейн, А.А.Леонтьев, В.В.Виноградов, А.А.Уфимцева, Н.М.Шанский.

Большие потенциальные свойства слов в определенных условиях актуализируются и выходят за пределы его внешней структурно-знаковой стороны. Природу сложных изменений, происходящих в историческом процессе развития и реализации смысловой структуры лексических единиц языка, трудно объяснить чисто лингвистическими внутрисемантическими закономерностями. Любая интерпретация содержательной стороны языка оказывается непосредственным образом связанной с проблемой взаимоотношения языка, мышления и действительности. Проблематика вопроса находит непосредственный выход в смежные дисциплины как этнолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, социоллингвистика, где язык рассматривается в плане его соотношения с этносом, культурой, человеческой психикой и обществом.

Во втором разделе первой главы рассматривается этнолингвистика как направление и как определенный подход к языку сквозь призму его духовной культуры. Излагаются основные концепции проблемы «язык и культура» в работах В. фон Гумбольдта, Й.Л.Вайсгербера, Ф.Боаса, Э.Сепира, Б.Уорфа и др.

Основоположник общего языкознания В. фон Гумбольдт в своей работе «Природа и свойства языка вообще» излагает мысли о соотношении слова и предмета, говорит о языке, как своего рода миропонимании. «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов, ... в каждом языке заложено самобытное мирозерцание. «...» Человек преимущественно - да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависит от его представлений, - живет с предметами так, как их преподносит ему язык»². Он делает вывод: «Разные языки - это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения (Ansichten) его.»³.

Идеи американских исследователей основывались на понимании неразрывности единства языка и культуры в широком смысле этого слова. В этой атмосфере зародился термин

² Гумбольдт В фон Избранные труды по языкознанию/ Пер с нем -М, 1984 С 80

Рабишвили ГВ Вильгельм фон Гумбольдт - основоположник георетического языкознания//Гумбольдт В фон Избранные труды по языкознанию/ Пер с нем -М, 1984 -400с

«этнолингвистика» для обозначения комплексного исследования языка и культуры, своего рода лингвокультурологии.

Язык как способ воплощения своеобразия национального мышления и духа народа нашел отражение в научном направлении как неогумбольдтианство. Продолжая традиции немецкого языковедения, Йоханн Лео Вайсгербер (1899-1985) констатирует, что всякий язык существует только в условиях определенного коллектива людей, для которых этот язык является родным. По Вайсгерберу, каждый человек рождается и вырастает в условиях родного языка данного сообщества, как та нить, что связует теперешних носителей языка между собой и с будущими и с прошлыми поколениями. Передача языка включает и формы, и специфические понятийные средства, поэтому, обретая язык, члены сообщества обретают и закрепленные в нем определенные представления о мире. Свое интеллектуальное видение мира член данного языкового сообщества формирует «не на основе самостоятельной переработки своих переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его языковых предков»⁴.

Подобные взгляды легли в основу трудов Э.Кассирера, М.Хайдеггера и др. неогумбольдтианцев.

В современном языкознании в связи с развитием антропологической лингвистики, изучением языка в тесной связи с человеком, его сознанием, материальной и духовной культурой, усилился интерес к наследию Гумбольдта и американских этнолингвистов.

В России вопросы взаимоотношения между этносом, культурой и языком были подняты в 60-70-х гг. 19 века в трудах Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, позже - Д.К. Зеленина. Возрождение интереса к указанной проблематике в 1960-х гг. было связано с трудами Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова. Дальнейшее развитие этнолингвистики в России связано с именем известного слависта академика Н.И. Толстого, который определяет этнолингвистику как раздел языкознания или - шире - как направление в языкознании, ориентированное на рассмотрение соотношения, связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции. В суженном и специальном понимании

⁴ Цит. По Радченко О.А. Лингвофилософский неоромантизм Й.Л. Вайсгербера // ВЯ, 1993. №2 С 109

этнолингвистика является «отраслью языкознания, которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т.п.»⁵

В настоящее время можно выделить два научных направления, затрагивающие этнолингвистическую проблематику. Одно из них ассоциируется с именами Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, другое составляет исследования Н. И. Толстого, А. Ф. Журавлева, С. М. Толстой и др. Первое направление связывается с постановкой и решением задач реконструкции, воссоздания древнейшей системы онтологических, космологических, социальных представлений, отражаемых «культурной» лексикой, с этимологизацией слов мифологического характера и т.п.; второе направление в качестве первоочередного выдвигает требование выявления насколько возможно полного инвентаря форм культуры, ритуалов, обрядовой лексики с преимущественным вниманием к ареальным проблемам.

В третьем разделе данной главы диссертации излагаются проблемы и состояние изучения вопросов значения слова в тюркологии и в башкирской этнолингвистике.

Крупные изыскания начаты казахскими лингвистами под руководством академика АН Казахстана А. Т. Кайдарова. К работам в данной области можно отнести исследования Е. Н. Жанпеисова, К. Г. Аронова, А. Ж. Мухатаевой, Р. Б. Иманалиевой, А. Ш. Жилкубаевой, Р. Н. Шойбекова, Т. Джанузакова и других, которыми активно разрабатываются такие проблемы этнолингвистики, как язык и картина мира, язык и этнокультура, этнотекст, этнопсихоллингвистика.

В якутской этнолингвистике исследованиям мифологических основ эпических произведений якутского фольклора посвящена работа Н. А. Аханиянова, картина мира в текстах олонхо рассматривается Л. Я. Габышевой, особенности этносемантики якутского языка представлены в трудах А. И. Гоголева, Л. Н. Жуковой, Г. И. Поповой, В. В. Тимофеевой и др.

Общим проблемам башкирской этнолингвистики, в частности вопросам этносемантики посвящены исследования З. Г. Ураксина, Ф. Г. Хисамитдиновой, Т. М. Гарипова. Изучению языковой картины мира, культурологических истоков,

⁵ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. - М., 1995, с. 27-40

экстралингвистических и языковых механизмов формирования семантики слова и устойчивых оборотов посвящены работы Р Х Хайруллиной, З М Раемгужиной. Этнолингвистические проблемы, понятия «культурно окрашенная лексика», «национально-культурная семантика», «национально-культурный компонент», «национальный образ мира» рассматриваются в исследованиях Л Г Саяховой, Л Х Самситовой.

В этнолингвистическом плане представляют интерес исследования, посвященные изучению тематических групп лексики башкирского языка. Лексика с этнокультурным содержанием представлена в работах Т Г Баишева, ЭФ Ишбердина, Г Д Зайнуллиной, Ш В Нафикова, М И Багаутдиновой, С Ф Миржановой, У Ф Надергулова, М И Дильмухаметова, Н Х Максютовой, Н Х Ишбулагова, Р З Шакурова, Ф Г Хисамитдиновой, А А Камалова, Г Х Бухаровой и др. Глубокие сведения по этнокультуре носителей языка содержатся в коллективном труде ученых Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра - Толковом словаре башкирского языка.

Вторая глава «Этнокультурные компоненты значения во внутреннем содержании слова» посвящается проблеме этнокультурного значения слова. Во вводных замечаниях дается анализ различным подходам к изучению содержания слова в лингвистике.

Новые подходы к изучению семантического содержания слова позволили глубже выявить семантические компоненты, выражающие связь слова с внеязыковой действительностью. Немецкий лингвист О Эрдманн, анализирувавший значение слова, отмечал, что содержание слова не есть только «чистое» понятие. Он говорил о ядре лексического значения и пограничных с этим ядром областях. При этом он предлагал троичное деление содержания слова: 1) понятийное содержание, 2) попутный смысл (те все сопутствующие представления), 3) чувственный или эмоциональный элемент.

Наличие в слове «сопутствующего значения» или «коннотации» признает и Ю И Найда (Найда Ю А, 1962), Ч Фриз выделял в слове «социально-культурное значение» (Фриз Ч, 1962), Киселева Л А, Комиссаров В Н - «прагматическое значение» (Киселева Л А, 1987, Комиссаров В Н, 1980), употребляются также гермины «эмоциональные наслоения» (Шмелев Д Н, 1973), «скрытые семы» (Хидекель С С, Кошель Г Г, 1981), «семантическая

ассоциация» (Апресян Ю.Д., 1974). В современном языкознании широкое развитие получает страноведческий подход к проблеме значения, где добавочная информация получает новое определение как «лексический фон» (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., 1980, 1982).

В современной лингвистике интенсивно развиваются направления, предметом изучения которых стала помимо собственно лексической семантики и коннотативная семантика, т.е. область «надстраивающихся» над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и т.п. «созначений».

В данной работе слова и словосочетания рассматриваются в контексте народной культуры, исходя из того факта, что язык, культура и этнос взаимозависимы. Язык трактуется нами как хранитель культуры, как феномен культурно-исторической среды, в котором закреплено этническое мировидение, менталитет, история этноса, этническая модель мира, народные традиции. Согласно концепции В. фон Гумбольдта слово «есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе»⁶. В соответствии с этим «этнокультурное значение» определяется нами как образ, закрепленный за словом в сознании носителей языка в связи с укоренившимися в данной этнокультуре традициями. Оно является сопутствующей содержательной стороной и, как правило, не фиксируется в лингвистических словарях; единые принципы и параметры ее описания и систематизации еще не выработаны. Например, этнокультурным значением орудий труда нож 'бысаж', коса 'салгы' являются: 1) предмет оберега от сглаза, сохранения от злых духов (нож подкладывается младенцу в колыбель, на покойника - до захоронения, коса помещается над воротами скотного двора); 2) предмет запрета (нельзя махать ножом, он удлинится; нельзя нож класть лезвием кверху - быть беде, нельзя поднимать косу во время грозы, ударит молнией).

Дополнительную смысловую нагрузку содержат названия времени, движения, цветовые, числовые обозначения, наименования одежды, пищи, предметов быта и т.д. Раскрытие этносемантики таких слов возможно лишь на основе контекстуального анализа лексем, с привлечением

⁶ Гумбольдт В. фон. Указ. работа, с. 80

экстралингвистических факторов и учетом национально-культурных особенностей носителей языка.

Так, в системе цветообозначений определенное положение занимает белый цвет атс. В Толковом словаре башкирского языка выделяется более шестнадцати значений этого слова, прямо или косвенно мотивированных цветовым значением. В то же время в народной культуре отмечается более глубокая интерпретация белого атс с актуализацией нецветового значения, на основе развития семантической линии «белый → а) незапятнанный → чистый → светлый → счастливый, радостный; б) добрый, дорогой, уважаемый → знатный → почитаемый → священный → божественный, волшебный». Например, атс в основе слова *аҡлау* (оправдать букв. обелить), имеет семантику, противоположную значению «очернить, запятнать, обвинять». В значении добра, счастья атс выступает в пожеланиях атс *юл!* "белой дороги!", *аҡка булһын!* "пусть будет к белому" (по поводу различных примет).

Белое имеет семантику «обладающий достоинством», «знатный, почетный, мудрый», в словосочетаниях атс *кеше* (букв. "белый человек"), атс *бабам* (букв. "белый старик"), атс *туған*, (букв. "белый родственник"), *аҡ һаҡал* (букв. "белая борода"). Значение «предназначенности для особых случаев, дорогих гостей» отражается в наименованиях атс *тирмә* "белая юрта", *аҡ келәт* "белая клеть (служашая жильем)", атс *йорт* "белый дом".

Семантика «светлый, белый, незапятнанный» является исходным в образовании значения «священный». В частности, в народной культуре, в религиозно-мифологических воззрениях наблюдается особое отношение к предметам белого цвета. Обоожествляются животное белой масти, птицы белого цвета. Для предотвращения несчастья или в благодарность за выздоровление от болезни, за благополучный исход какого-либо опасного для человека события, принято приносить в жертву атс *корбан* (букв. "белая жертва"), т.е. животных белой масти. Также в обряде вызывания сухой, ясной погоды, на возвышенном месте режут животное белой масти, посвященного солнцу. В тоже время в обряде вызывания дождя в жертву приносится животное черной масти. Таким образом, прослеживается семантическая связь атс с небесным, а *кара* - с хтоническим мирами. В запретах и предписаниях не стрелять белую птицу *аҡжош* 'лебедь' (умрет кто-либо из семьи), не убивать белую змею атс *йылан* (соберутся все змеи,

случится несчастье), так же просматривается священность белого.

Со словом атс определяются и священные места: атс таги 'белый камень', атс *күл* белое озеро", атс *зыярат* "белое кладбище".

В своем семантическом развитии цветовой определение переняло на себя функции наименований, определяемых им предметов и вместе с тем, в отдельных случаях, признаки, присущие этим предметам. В системе языка *ак* часто выступает в значении определяемого им слова. Так, молочные продукты белого цвета носят общее название атс. Дополнительный цветовой признак молочных продуктов, (особо почитаемых как основной продукт питания и в отношении которых выработалось сакральное отношение), углубляет его значение в сторону развития семантики «священный». Это наблюдается в обычае атс *эсереу* 'напоить белым' перед дальней дорогой или каким-либо серьезным событием, в целях обережения человека, освящения дороги. Запрет «акты түгергэ ярамай» нельзя проливать белое' (это большой грех, или убавится молоко у коровы), в частных случаях, при приготовлении чая с молоком в порядке наливания чая, не наливать заварку поверх молока, а забеливать чай после, так же просматривается сакральное значение атс. Обращают на себя внимание также приметы и предписания: при подергивании глаз надо втирать на веко белое атс *һертеу* и говорить *акжа тарт (булһын)*, где белое представляет очищающую, оздоравливающую силу.

Этнокультурное значение формируется на протяжении всей истории этноса и языка, передается из поколения в поколение. Обретая язык, члены сообщества обретают и закрепленное в языковых знаках представление о мире. Языки разных культур по-разному формируют свои «культурные» значения.

По мнению Н.И. Толстого, каждый тип культуры вырабатывает свой символический язык и свой «образ мира», в котором и получают свои значения элементы этого языка, язык культуры (как и язык науки) пользуется естественным языком⁷. Культурную семантику получают обыденные слова. Символические значения надстраиваются над другими уровнями значения. При этом этнокультурное значение имеет

⁷ Толстой Н.И. Указ работа, с 291

определенную связь с другими компонентами значения. Например, слово соль *'тоз'* получает негативную семантику «горе», «неприятность» с актуализацией признака предмета как горький, острый вкус «*әсе*». С этой семантикой связан запрет рассыпать соль. Это вызывает горечь и обиду: *«Түгелгән тоз иреп бөткәнсе рәңйеп, эсенеп ята, ти»*. По другому толкованию - приведет к какой-либо ссоре.

В языковом сознании носителей башкирской культуры слово *'тунһа'* (порог) обозначает не только «брус на полу в нижней части дверного проема»⁸ (Ожегов, 1986, с.487), но и является выразителем семантики границы «*сик*» между входом и выходом во «внешнее, чужое» и «внутреннее, свое» пространство или мир. С функцией границы связаны запреты наступать или садиться на порог, принимать или передавать в руки вещи через порог. Невыполнение запрета приводит к нарушению границы очага, зоны охраны благополучия дома и всех домашних, к беде: *«етем калаһың»* («останешься сиротой»), *«бахетһеҙ булаһың»* («будешь несчастным»), *«бахет, кот кита»* («уходит достаток, счастье из дома»).

Семантика слова *тунһа* 'порог'- «символическая граница между двумя разными пространствами (мирами)» - является лишь отражением символического значения концепта, образа самого предмета.

Этнокультурные значения слов и словосочетаний раскрываются только в контексте народной культуры, их невозможно определить одним предложением или краткой дефиницией. Требуется обширное описание ситуации, различного рода запретов или разрешений на применение орудия, предмета, совершения действия, движения и т.п.

Так, этносемантика с отрицательным или положительным значением раскрывается в системе бинарных оппозиций, как *уң* (правый) и *һул* (левый), *үр* (верх) и *түбән* (низ), *ал* (перед) и *арт* (зад), обнаруживается тесная связь пространства с заполняющим его содержанием. В народной традиции знание сакаральной сути пространства, правильная ориентация обеспечивает успех дела, удачу дороги, события. Правая сторона *уң* воспринимается как позитивная, соответственно левая *һул* - неправильная, неудачная. Осмысление правой стороны, как благоприятной, «наделенной доброй силой», а левой «угрожающей, агрессивной», передают пожелания *уң*

⁸ С.И.Ожегов. Словарь русского языка.-М., 1986, с.487

аяғың менән! (букв. «с правой ногой»), юлығың булһын! (пусть дорога будет правым), һулың бирмә, уңың бир. Здесь значение сторон правой и левой основано на восприятии сторон тела. Отмечается семантическая связь левой руки с негативными, «грязными» действиями: требуется сморкаться, подмываться левой рукой; изгонять, выбрасывать, снимать с себя болезнь так же левой рукой, принимать пищу только правой рукой.

При выполнении различных действий в быту, напр., при мытье пола, шитье, а так же в лечебной магии, движения направляются с правой на левую сторону. Шаг левой ногой, левосторонние действия по представлениям ведет к беде, а правостороннее действие, выполненное правой рукой, ногой, напротив, обеспечивает успех дела, сулит удачу. Многие из перечисленных правил имеют табуированный характер.

Угадывается левосторонность враждебного людям мира в приметах и поверьях: *Уң күз (каш) тартһа- кыуаныска, һулы тартһа - илауға* "подергивание правого глаза (брови) - к радости, левого - к слезам", *уң қолаҡ зыңлаһа, мақтап (дөрөштә) һөйләйҙәр, һул қолаҡ зыңлаһа - бушты, насар итеп һөйләйҙәр* "звон в правом ухе - к хорошему, в левом - к сплетне".

Кроме того, в устойчивых выражениях *уң яғына сығыу* "выйти на правую сторону" (вызвать доброе расположение человека), *һул аяғы (яғы) менән тороу* "вставать с левой ноги (стороной)" (быть в плохом настроении, не в духе), *уң* и *һул* противопоставляются как «доброжелательность, благосклонность» и «немилосердие».

В системе языка прослеживается связь *уң* со светом, солнцем, с югом, а *һул* с холодом, севером. *Уңға китһәң, уңырыһың, һулға китһәң, туңырыһың* (букв. направо пойдешь - повезет, налево пойдешь - замерзнешь). Интересна в этом отношении семантика словосочетаний *көнгә уңыу* линять, выгореть на солнце, *уңарыу* белеть, где так же просматривается упомянутая связь. *Уң* так же несет семантику лицевой стороны предмета, одежды, в противоположность левой *һул* в значение «изнаночная»: *кейемдең һул яғы* "изнаночная сторона одежды" *уң яғын тәшәу* "стелить правую сторону".

В одном синонимическом ряду с левым находится сторона **тиҫкәре, кире** в значении «изнаночная, нелицевая, перевернутая, обратная».

Семантическая бинарная оппозиция сторон дополняется рядом других парных наименований, которые разделяют пространство на содержательные половины с положительным и отрицательным качеством. Так, выделяются противопоставляемые наименования *ал* - *арт* и синонимичные им пары *ив?* - *аржа*, с пространственным значением *перед* - *зад*", "лицо - спина".

Таким образом, в языке культуры обнаруживаются сложные взаимоотношения вербальных, реальных и других знаков, которых объединяет цепь этнокультурных значений.

Ключевые слова языка, называющие важнейшие в жизни народа понятия и образы, получили название «**концептов**».

По мысли Е.С. Кубряковой, концепт «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике»⁹.

Слова духовной культуры не образуют в ней особого языкового пласта, и как отметила С.Е. Никитина, с одной стороны, народный менталитет с его высокой степенью семиотичности вводит материальные предметы в мир духовных сущностей, с другой стороны, духовные концепты живут в мире зримом, слышимом, осязаемом¹⁰ (Никитина С.Е., 1991). Так, *еп* (нитка) по древним поверьям башкир, связывает мир живых и потусторонний мир, *дат* (подкова) оберегает от беды, т.е. материализованные предметы входят в ряд духовных ценностей. В то же время духовные концепты представляются материализованно «*бэлэ ағас башынан йөрәмэй, кеше башынан йөрөй*» <беда ходит не по верхушкам деревьев, а по головам людей> или «*аяж астында ята*» <лежит под ногой>, или *бэлэ яңғыз йөрәмэй* <беда по одиночке не ходит>; «*Төштөң башы сукмарзай, үңәсе кылдай, нимэгә юраһаң, шул яҡка кылт итеп өзөлөп төшә*» <голова у сна как дубинка, шея-волосинка, к чему нагадаешь (пророчишь), в ту сторону и падает>

⁹ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов - М. 1996 с.58-93.

¹⁰ Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка. Культурные концепты. М. Наука, 1991, с. 117.

Концепты народной культуры, закрепившие в себе народные представления об устройстве мира, не могут получить четкую дефиницию, семантические описания концептов должны дать по возможности полное знание о понятии, существующее в сознании носителей культуры. Знания и представления о реалиях мира неизмеримо шире закрепившегося в языке наименования. Например, в языковом сознании носителей башкирской культуры слово 'түҙәрәк' (круг) обозначает не только «замкнутую черту», но и является выразителем семантики магической границы «сик» между качественно разными пространствами «чужое» и «свое», оберегом от нечистых сил, очищающей силой. В значении слова красный *кызыл* выделяются такие признаки, как 1) предмет оберега от сглаза *кызыл һөртөү*; 2) лечебное средство, магическая сила *кызыл ябыу*, *кызыл төстәге ашамлык ашатыу*, *кызыл менән һызыу*; 3) в сочетании *кызылһәңер* ("красные сумерки") признак опасности.

В третьей главе «Лексико-семантическая характеристика лексики с этнокультурным компонентом значения» проводится лексико-семантический анализ и этнолингвистическая классификация лексических единиц башкирского языка.

Основанием для классификации языковых единиц является учет закрепленного в их значении внеязыкового содержания. Лексический материал подвергается этнолингвистическому анализу для выявления этнокультурного значения, т.е. в объекте нашего исследования не столько языковые средства и способы выражения характерных для культуры смыслов, а содержание культуры, этнокультурных явлений, закрепленные в языке. Наряду с языковыми фактами учитываются и данные фольклористики, этнографии, этнопсихологии, археологии и других смежных наук. На данном уровне выделены в работе следующие основные тематические группы:

небо и небесные явления (солнце, луна, звезды, молния, зарницы);

природа и природные стихии (земля, вода, огонь, дождь, ветер);

птицы;

растения;

животные;

цвет;

пространство;

числа;

орудия труда;
предметы быта.

Слова, входящие в каждую группу, характеризуют реалии и ключевые понятия, относящиеся к данной тематической группе.

В связи с наслоением различных культур, как, например, язычество, ислам, в народном сознании отмечается многоструктурное развитие значения слова-концепта *күк* (небо). Среди них можно выделить:

- небо, как обитель верховного божества и небесных сил, ангелов и святых. Почитание неба и небесных сил наблюдается в различных поверьях. Согласно таким поверьям, небо состоит из семи сводов-слоев. Состояние высшего блаженства, испытание большого счастья передает метафорическое выражение *«күктең етенсе катында булыу»* (оказаться на седьмом небе);

- восприятие неба как всемогущей духовной сущности, приходящей в каждую новую весну с грозой и молнией. Комплекс представлений, обычаев и ритуалов связаны с *Күк килеуе* с «приходом Неба». Соответствующая такому пониманию семантика закреплена в выражениях *«Күк килә»* (небо приходит), *«Күк кайта»* (небо уходит);

- почитание неба как дарительницы всех благ. В сохранившихся различных вариантах заклинаний, обращений к небу перед севом, перед 1-ым дождем, при болезнях прослеживается вера во всемогущество, всеислие неба, на его божественное покровительство: *«ярзамыңдан ташлама»* (не бросай без помощи), *«ырысыңдан калдырма»* (не оставляй без счастья, удачи), *«һиңә һыйынам»* (ищу у тебя защиты, покровительствуй), *«изге мәрхәмәтле бул»* (будь доброй, пощади).

- небо как половина, неотъемлемо взаимосвязанной пары «небо-земля». По представлениям связь неба и земли опосредована дождем: дождь орошает землю по велению небесного божества. Во время грозы произносят: *«Ер ефете ямғыр менән!»* (Земля и дождь - пара). Грозовой дождь ассоциируется оплодотворением земли. По народному верованию, если во время грозы земля дрожит, глина рассыпается, год будет хорошим, урожайным. Существует запрет брать землю, предназначенную для настиления на потолок при постройке деревянного дома до ухода неба: *«өй башына һалыу өсөн тупракты Күк кайтмайынса алырга»*

ярамай». Объясняется это тем, что такой дом будет беспокойным.

Черты древнего мифологического видения мира просматриваются в значении слов-концептов, называющих небесные светила. Антропоморфные образы солнца *кояш*, имеющего в контексте языковые формы *көн*, *сыуак*, *аяз* и луны *ай*, отражены в выражениях «*кояш көлә*» («солнце смеется»), «*көн (кояш) ашай*» («солнце (день) съедает»), «*көн тыуа*» (букв. «день (солнце) рождается»), «*ай тыуа*» («луна рождается»), «*көн һуға*» («день (солнце) ударяет»), «*кояш (көн) таме сыға*», («идет (чувствуется) вкус солнца»).

Культурная семантика солнца (*кояш*) неоднозначна. Данные фольклора и этнографические сведения указывают на то, что в восприятии солнца переплелись мировоззрения различных времен и культурных слоев:

- знак, атрибут «этого света»;
- является олицетворением жизни, бытия человека;
- божество, объект поклонения;
- как нечто святое и недоступное, наделяется сакральными чертами;
- антропоморфное лицо. Поведением, словом можно вызвать доброе расположение солнца, или напротив, рассердить, разгневаться его;
- существо женского рода (мать, тетушка);

В диссертации проводится подробный этнолингвистический анализ слов-концептов как луна, звезды, небесные явления.

Неизмеримо широкое понятие содержит в себе концепт *Ер* (Земля). Многоплановость, сложность культурной семантики «*ер*» прослеживается в народной космогонии. В сохранившихся до нашего времени древних словосочетаниях, как «*ете кат ер астында*» («под семи слоями земли»), «*ер астында йылан көйшэгәннен ишетеп*» (букв. «слышать, как под землей жует змея»), обнаруживается содержание понятия *земля*: 1) семислойного пространства, глубины которого населены злыми духами; 2) антропоморфного существа, имеющего голову, туловище, ноги и т.д. «*Ер аягы, ер башы*» (букв. «голова земли, ноги земли», на краю света), «*ер йоткор (йота)*» (да проглатит тебя земля (при проклятии); 3) горизонтальная площадь, имеющая границу, представляющую обрыв: «*ер сиге*» («край земли»). Ключевые понятия, заложенные в семантическую основу слова *ер* (а так же несущих это понятие слов «*тупрак*», «*балсык*»), тесно связаны и с религиозно-суеверными представлениями. В

системе культурных и духовных ценностей земля выступает как прародительница всего земного. Почтительное отношение к земле выражается в определенных языковых стереотипах: «*ерзэн (тупрактан) яралганбыз, ергэ (тупракка) кайтабыз*» (букв. «от земли родились, в землю и возвратимся»).

Культ земли тесно связан с культом неба. По поверью, в весеннюю пору, во время весенних грозовых дождей земля оплодотворяется небесным дождем. В это время соблюдалась неприкосновенность земной почвы. (Весной нельзя тревожить (копать) белую и красную глину, это грех). Образ земли-матери ярко представляется в запретах, напр., нельзя мальчикам ложиться на землю лицом («Земля ведь - мать твоя!»).

В народной культуре наблюдается разделение духа, хозяина земли от самой земли. Сохранились языковые формы: «*ер инәһе*», «*ер эйәһе*», «*ер хужаһы*» («хозяйка (мать) земли», «дух земли», «хозяин земли»), которые употребляются в заговорах, мольбах, закличках.

Национальное специфическое мировидение наблюдается в осмыслении населяющих землю и воздух птиц, животных, растущих на ней видов растений.

Так, кочевыми народами скот издавна воспринимался как символ богатства и благосостояния. Особым почитанием у башкир издавна пользуется *ат* (конь). Его называют душой всего скота, двора *мал кото*, *кәртә кото*. «*Ат кәтәүзең именьлеген һаҡлай, ырысын, бәрәкәтен арттыра, йәшәү кәсөн туплай*», т.е. конь является хранителем благосостояния, здоровья скота, а так же хозяев дома, в нем концентрирована жизненная сила скота, всех домашних животных. Он приносит счастье, богатство всему дому. Называние коня *аҗ мал*, белый скот, где лексема *аҗ* означает нецветовую дифференциацию, а указывает на священность коня, подчеркивает возвышенное восприятие его носителями языка. Забота о коне, ухаживание за ним, подготовка к долгой дороге имеет строгий порядок.

В бытовых обрядах образ коня используется как высокое мерило в оценке какого-либо явления, глубины чувств. Сематику «испытать огромное счастье, удовольствие, сильно радоваться» передает словосочетание *ат менгәндәй булыу* «оказаться на коне», *ат башындай* "с конскую голову" о чем-либо большом.

В народной традиции действия, правила поведения по отношению к коню имеют особый смысл. Так, *ат башынан*

алыу, т.е. встречать приехавшего на коне гостя, взяв его коня за узду, за голову, означает «оказание высокого уважения к гостю». Часто наблюдается ассоциативная связь коня с мужчиной. В народном творчестве конь возводится в ранг друга мужчины. Народная поговорка гласит: *Ир канаты ат булыр* "Конь - крылья мужчины", или *Егет кўчелендэ эйэрлэйүгәнле ат ятыр* "В душе джигита хранится оседланный конь". При одаривании взрослых детей скотом, соблюдается традиционное распределение: конь - сыновьям, мужчинам; корова - дочерям, женщинам.

Значение коня - это «сосредоточие земной силы, здоровья». Семантика «силы магической, волшебной» прослеживается в поверье, согласно которой, увидеть ранней весной молодого жеребенка означает, что весь год будешь здоровым и сильным. Конь выполняет и охранную функцию. В целях предохранения скота от падежа, от нечистых сил, болезней на шесты, столбы, огораживающие скотный двор, пасеку насаживали лошадиный череп. Культ коня обуславливает веру в отгонное, изгоняющее свойство тех предметов, которые имели к нему отношение. Предохраняющая сила приписывается всей конской упряжи, подкове, другим предметам и костям коня. Слетевшая с копыта лошади, подкова является оберегом, ее прибивают на порог дома в целях отпугивания злых сил и защиты дома от злословий, сплетен, несчастий. Конский пот, слюна, принадлежности конской упряжи находят широкое применение в народном лечении от различных болезней и нечисти. Значение «отпугивающей, охранительной силы» части тела коня (череп, пот, пена) и предметы, имеющие отношение к лошади, получают отраженно от первичных, т.е. реально принадлежащих коню свойств, как сила, крепкость, стойкость.

Сакральное значение имели для башкир различные виды диких животных, пресмыкающихся. Если домашние животные имеют значение, которое связывается с близким и знакомым человеку миром, бытом, то дикие животные, звери в народном сознании ассоциируются с чуждым, тайным миром, а, следовательно, имеют связь с неестественными силами, с потусторонним миром. Особое место среди них занимает *айыу* (медведь). За ним закрепились семантика «хозяина леса» и его «хранителя». Охотники, промышляя на медведя, старались не произносить его имя, ибо считалось, что это приведет к неудаче. Оно заменялось иносказательным его наименованием (табу) *тайыш табан* "косолапый", вежливыми обращениями

«айыу апа» 'дядя медведь', *олатай* "дед, дедушка", *урман хужаһы* "хозяин леса". Этот факт с одной стороны связан с верой в способность медведя слышать, понять человеческую речь, т.е. с верой в сверхъестественность медведя, с другой стороны, применение терминов родства «*апа*», «*олатай*», (дед), указывает на восприятие медведя как родственного, подобного себе существа. Здесь наблюдаются отголоски былого тотемизма в мировоззрении башкир.

В диссертации в одной семантической параллели с волком (*бүре*) рассматривается этнокультурное значение собаки (*эт*).

Выявляются определенные закономерности в семантике числительных, в восприятии пространства, времени, цветовых обозначений, которые подвергаются в диссертации подробному анализу.

Ряд ключевых понятий в культово-обрядовой системе связан с сакральными числами, как «три», «семь», «сорок» и т.д. Глубокое этнокультурное значение числа семь *ете* обнаруживается, в активно употребляемых в языке идиоматических выражениях, обрядах, в магических ритуалах отгонного, лечебного свойства. Понятие «рубежа, предела, некой границы мира», которое связано с ранними представлениями о строении мира, имеет число семь в выражениях *күктең етенсе катында* "на седьмом своде неба", где седьмой свод ассоциируется совершенным миром ангелов. Противопоставляется ему *ете кат ер асты* "под семи слоями земли", где за пределом семи, мир представляется населенным злыми, враждебным людям, силами. *Ете диңгез аръяғы* 'за семью морями' так же семизначный рубеж, где начинается чужой мир. Значение «предела» число семь несет в сочетаниях, выражающих родственные отношения: *ете атаһы* "семь отцов", *ете быуын* "семь поколений" (знание родственников до седьмого колена). До семи колен, семизначного предела, мир является родным, своим, а за семью начинается чужое: «*ете ят*» "седьмой - чужой". Сакральное значение семерки обнаруживается в понятиях *ете твин уртаһы* "середина семи ночей, полночь", воспринимаемое как время совершения мистических явлений, *ете юл саты* "развилка семи дорог", которую надо остерегаться: нельзя останавливаться, садиться отдыхать, иначе «*ауырыу һуғыла*» "пристанет болезнь", т.е. сечение семи дорог несет этносемантику «опасной границы».

При определении количества предметов, их вида, а так же при счете, повторении вопросов и ответов и т.п., что

характерно для целого ряда обрядов, семерка выбирается как число, обладающее мощной магической силой: например, при лечении от сглаза - споласкивают семь звеньев окна; глазную болезнь «арпа» "ячмень" заговаривают, касаясь глаза с семью зернами ячменя; при головной боли, при «плохой болезни» измеряют рост человека нитками из семи цветов; первое детское платье шьют из семи лоскутков и т.д.

Сакральная семерка присутствует в выражении *Етегән йондозон ете айтһаң, һаяп була* ("семиразовое повторение «Етегән» вызывает покровительство ее"), которую произносят, обращаясь к Большой Медведице.

Название ритуального дня *етеһе* "поминки седьмого дня", (*етеһен укытыу* "чтение Корана на седьмой день поминок", *етеһен үткәреү* "проведение седьмого дня поминок") так же указывает на семантику седьмого дня, как о сакральном рубеже во времени.

Значение целостности, полноты, множества, несет семь в идиоматических выражениях *ете кат тиреһен һызырыу* 'снять семь шкур', *ете ятып бер төшкә инмәү* "семь раз ложиться и не разу не сниться (не разу не вспомнить), *ете бәз* (о вещах с сильным запахом, вкусом).

Таким образом, круг понятий, образуемый числительным семь, широк.

Детализированная система признаков характеризуемого объекта, раскрываемая в ходе этнолингвистического исследования, позволяет прояснить, создать его полный образ, и выделить культурный стереотип слова.

В заключении диссертации сформулированы основные выводы исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Синонимические отношения в лексике и фразеологии //Теория поля в современном языкознании. Ч. I. -Уфа, 1991

2. Башкорт этнолингвистикаһы: торошо һәм перспективалары [Башкирская этнолингвистика: состояние и перспективы]//Тезисы научно-практической конференции. - Уфа, 1994. С.4-5 (в соавторстве)

3. Этнокультурное значение слова в башкирском языке //Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии. -Уфа, 1994. С.71-77

4. Йола лексикаһында һүҙҙәрҙең мәғәнә асылышы [Сущность значения слова в обрядовой лексике]// Материалы

научно практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения проф. Дж.Г.Киекбаева. -Уфа, 1996. С.126-128

5. Телдэ һәм мәзәниәттә арауыҡ төшөнсәһе [Понятие пространства в языке и культуре]. //Проблемы изучения и преподавания филологических наук. Ч.1. -Уфа, 1999. С.199-201

6. Ағастарға йола күзлегенән бер караш [Взгляд на названия деревьев с точки зрения обрядов]. //В сб. Урало-Алтайстика: состояние, проблемы, перспективы. -Уфа, 2001. С. 202-204

7. Семантика огня в башкирской этнокультуре //Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования». - Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч.2. -Уфа, 2001. С.114-117

8. Башҡорт теленең этнолингвистика һүзлегә (Этнолингвистический словарь башкирского языка). -Уфа, изд-во «Китап», 2002. -176с.

